

УДК 82

**ОБРАЗ РЕБЕНКА В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ДЕВОЧКА»
И В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

© 2016 г.

В.Н. Плющ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

tiferetster@gmail.com

Поступила в редакцию 15.03.2016

Рассматриваются переключки в образах девочек – персонажей произведений М. Горького («Девочка») и Ф.М. Достоевского (сон Свидригайлова в романе «Преступление и наказание»). Целью исследования является сопоставление данных образов, воплощающих в себе существенные мотивы произведений. Используется сравнительно-типологический метод изучения текстов, который помогает установить сходства и различия в подходах к персонажам, в функциях их образов. Оба писателя используют сходные сюжетные ситуации и приёмы изображения ребёнка. При этом в романе Достоевского образ ребенка играет вспомогательную роль, являясь порождением сознания героя, а в рассказе Горького образ ребенка самодостаточен. Рассматриваемые персонажи играют значительную роль в раскрытии характеров Свидригайлова и рассказчика в произведении Горького и ярко характеризуют отношение авторов к «детской» теме.

Ключевые слова: Горький, Достоевский, образ ребенка, сюжет, сон.

Тема детства в творчестве Горького в последнее время привлекает внимание исследователей [1–6]. При этом один из наиболее плодотворных подходов к анализу данной темы – сопоставление горьковской её трактовки с решением сходных вопросов в творчестве других писателей, в ряду которых важное место занимает Ф.М. Достоевский.

Горьковское восприятие творчества и личности Достоевского было очень сложным и многоаспектным. [4] Во многом Горький полемизировал с Достоевским, причём как в публицистике, так и в художественных произведениях. Но творческая полемика вовсе не исключает переключек в осмыслении тех или иных проблем, и доказательством тому может служить сопоставление детских образов в произведениях этих писателей. В данной работе мы рассмотрим образы девочек в рассказе Горького «Девочка» и в романе Достоевского «Преступление и наказание», в частности в сне Свидригайлова.

Оба произведения реалистически отражают самые негативные стороны действительности, что определяет угнетающую атмосферу. Это подчеркивается при помощи колоритных деталей пейзажа. В рассказе М. Горького перед нами краткая экспозиция: «Однажды вечером, усталый от работы, я лежал на земле у стены большого каменного дома – печального, старого здания; красные лучи заходящего солнца обнажали глубокие трещины и наросты грязи на стене его» [7, с. 94]. Это и описание места действия, и символика, сразу вводящая читателя в

суть повествования: авторская интенция в этом произведении подобна лучу печального закатного солнца, высвечивающему «трещины» и «наросты грязи» на душе ребёнка. В романе же Ф.М. Достоевского сон Свидригайлова предваряется коротким и гнетущим по своему эмоциональному воздействию пейзажем: «Холод ли, мрак ли, сырость ли, ветер ли, завывавший под окном и качавший деревья... Ветер хлынул неистово в его каморку и как бы морозным инеем облепил ему лицо...» [8, с. 391, 392]. В этих пейзажных деталях – предощущение катастрофы.

Завязки сюжетов рассказа «Девочка» и сна Свидригайлова имеют определённое сходство. И Горький, и Достоевский пользуются приемом внезапного введения в сюжет персонажа – маленькой девочки, и там, и здесь она появляется неожиданно для героя. Герой рассказа у Горького отдыхает в знакомом месте, слушает знакомые звуки – и неожиданно в них вклинивается «тихий, нежный голос»: маленькая девочка поёт колыбельную своей воображаемой кукле. Свидригайлову снятся тяжелые сны, он выходит в коридор – и находит в углу «странный предмет, что-то будто бы живое». Для горьковского рассказчика образ девочки тоже в определённой мере странен: он не привык, чтобы в доме, откуда обычно слышны грубые выкрики, кто-то пел таким спокойным и нежным голосом. Девочка как будто не на своем месте, в таком пространстве, которое совсем не подходит для неё. И в сне Свидригайлова ребёнок оказывается по какой-то причине в тёмном коридоре,

за шкафом, где, казалось бы, совершенно не место маленькой девочке.

Есть сходство и в развитии сюжетной линии в произведениях обоих писателей, а именно в поведении того и другого героя по отношению к ребёнку. Свидригайлов стремится помочь беззащитному созданию, оказавшемуся в беде: он заботится о девочке, чтобы она согрелась и почувствовала себя в безопасности. Герой горьковского рассказа обращает внимание на красивые глаза и нежный голос девочки и как бы не видит за этим «низких» деталей: лохмотий, грязных рук; он улыбается девочке, желая её успокоить, когда видит её испуг.

Отчётливо выражено сходство и в поведении девочек: сперва перед читателем предстает обычный ребенок, который баюкает узелок-куклу и поет колыбельную (у Горького), лепечет про разбитую чашку и маму (у Достоевского), но затем именно девочка ведет себя несообразно возрасту. В сне Свидригайлова перед нами «инверсия ситуации, когда не герой-циник соблазняет девочку, а девочка, обнаруживая черты оборотня, пытается соблазнить его» [9]. В рассказе Горького «инверсия ситуации» не столь явная, поскольку герой-рассказчик не представляется читателю циником (скорее, наоборот: он даже не сразу понимает, для чего девочка зовёт его с собой, он как бы не допускает в своё сознание оскорбительную для человека реальность). Но тем не менее в том, что не взрослый человек, а ребёнок становится инициатором непристойности, тоже есть определённая «инверсия ситуации».

Первоначально, в одиночестве, девочка баюкала свою игрушку, сидя в уединении – и её действия и поведение можно назвать адекватными изображаемому возрасту. Но когда она видит перед собой взрослого мужчину, её поведение меняется: она ведёт себя как уличная женщина и, кажется, недовольна тем, что герой не оправдывает её надежд на привычный заработок: «Молча и тихо я стал отталкивать её от себя, а она взглянула мне в глаза подозрительно-недоумевающим взглядом, губы у неё странно искривились» [7, с. 95]. Укоренившиеся в обществе взгляды и стереотипы подразумевают в такой ситуации активную роль мужчины – в этом рассказе активность исходит от одиннадцатилетней девочки, а взрослый герой в ужасе от её поведения.

Разрешение сюжетной коллизии в рассказе «Девочка» и в сне Свидригайлова тоже сходно: обоих героев охватывает ужас, когда они понимают, насколько извращённой оказывается детская природа.

В сюжетной составляющей рассказа «Девочка» и сна Свидригайлова, как видим, есть от-

чётливые параллели, но существуют в каждом случае и свои нюансы проблематики и поэтики, которые определяются художественными задачами авторов. Прежде всего, имеет несомненное значение тот такт, что у Горького этот рассказ – самостоятельное произведение, а у Достоевского сон героя – элемент другого, более масштабного произведения – романа «Преступление и наказание», с его философско-этической концепцией.

В целом в «Преступлении и наказании» образы детей имеют ключевое значение для выражения концептуальных идей. По Достоевскому, к Богу близки дети, и не случайно именно их образы во многом становятся «критерием истины». Например, для понимания образа главного героя важно то, что в детстве он был близок к Богу, о чём мы узнаём из письма его матери. О том же говорит и первый сон Раскольникова, где он видит себя ребёнком, испытывающим острое сочувствие к чужим страданиям и желание помочь жертве. Это христианское начало потом, во взрослой жизни героя, казалось бы, «заглохло» под спудом тяжёлых впечатлений и философских идей, но всё же не исчезло, что в итоге дало ему возможность раскаяться и возвращения к жизни, в то время как его двойник Свидригайлов погиб. Детское начало связано в романе с такими качествами, как нравственная чистота и беззащитность перед злом, поэтому автор подчеркивает «детский испуг» Лизаветы в сцене убийства, а потом Раскольников видит такое же выражение лица с детским испугом у Сони.

В романе Достоевского, где создана сложная система двойников Раскольникова, Свидригайлов один из них. Его роль – отразить негативную сторону идеи Раскольникова (наполеоновское «всё позволено») и в то же время антиномичную сложность его личности. Не случайно для раскрытия характеров обоих персонажей автор использует сны.

Сон о девочке-«камелии» – третий и последний, логически завершающий апокалиптический триптих кошмаров Свидригайлова. Сперва ему снятся мыши, затем – утопленница, потом своеобразное интермеццо с наводнением, а затем – девочка, с которой он обходится хорошо, но вдруг она становится «безобразной и оскорбительной». В изображении Раскольникова есть эпизод с маленькой девочкой, который представляет собой своеобразную параллель сну Свидригайлова. После смерти Мармеладова Раскольников встречается с Полечкой: «... он увидел приближающееся к нему личико девочки и пухленькие губки, наивно протянувшиеся поцеловать его. Вдруг тоненькие, как спички,

руки ее обхватили его крепко-крепко, голова склонилась к его плечу, и девочка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему всё крепче и крепче. – Папочку жалко! – проговорила она через минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы» [8, с. 147]. Там, где Свидригайлову представляется губительный соблазн, Раскольников предстает в виде своеобразной патерналистической фигуры, к которой принакает страдающий ребенок. Символично и то, что далее разговор заходит о Боге, и Раскольников просит молиться за него, и этим также подчеркивается то, что дети в романе Достоевского – существа близкие к Богу. В душах и Раскольникова, и Свидригайлова происходит борьба христианского и антихристианского, но если в Раскольникове побеждает первое, то в Свидригайлове – скорее, второе. В сне ему как бы демонстрируется искаженное состояние его собственной души – не выдержав осознания её темноты и порочности, он убивает себя [10]. Об этом писал в своём исследовании В.Я. Кирпотин: «...душа Свидригайлова не может уже беречь даже ребёнка <...> Без веры в истину и добро жить нельзя. Свидригайлов, соприкоснувшийся горним высотам и низвергнувшийся оттуда в смрадное болото, это понял. Он сам и казнил себя» [11, с. 259 – 261].

Девочка из последнего сна Свидригайлова – персонаж явно не случайный, в ней прослеживается сходство с образами других детей из этого произведения. По возрасту («лет пяти, не больше») она близка к младшей дочери Катерины Ивановны – шестилетней. Дочери Катерины Ивановны одеты в старую одежду («в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике», «... девочка, в совершенных лохмотьях») – девочка из сна «в измокшем, как полумойная тряпка, платьишке», ее обувь тоже промокла («Дырявые башмачонки ее, на босу ногу, были так мокры, как будто всю ночь пролежали в луже»). Ветхая и мокрая одежда – эта деталь даёт понять, что ребёнку холодно, и в данном случае имеется в виду не только то, что ребёнок физически мёрзнет, но и то, что он живёт в «холодной» атмосфере: общество равнодушно к его страданиям. Та же деталь по-своему преломляется и в рассказе Горького: девочка в рваном платье, и упоминает она о том, что ей больше нечего надеть. В этом случае данная деталь тоже концентрирует внимание читателя не только на нищете, но и на холоде, незащищённости, страдании, ставшем уже привычным.

В сне Свидригайлова, как и в описании дочерей Катерины Ивановны, Достоевский обра-

щает внимание на глаза ребенка: «смотрела на него с тупым удивлением своими большими черными глазенками и изредка всхлипывала, как дети, которые долго плакали, но уже перестали и даже утешились, а между тем, нет-нет, и вдруг опять всхлипнут» [8, с. 393]. Кроме одежды, автор обращает внимание на лица и их выражения, и здесь тоже прослеживается параллель между девочкой из сна и детьми Катерины Ивановны: «Личико девочки было бледное и изнуренное; она окостенела от холода» [8, с. 393]. Однако, помимо внешнего сходства с несчастными детьми Катерины Ивановны, девочка из сна имеет особенности, также роднящие ее с ними. Свидригайлову кажется, что она – нелюбимая дочь какой-нибудь местной кухарки, поскольку выглядит испуганной и страдающей; в сцене прихода Раскольникова в дом Мармеладовых дети показаны тоже затравленными и страдающими. Катерина Ивановна кричит на мужа, а «спавший на полу ребенок проснулся и заплакал. Мальчик в углу не выдержал, задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, почти в припадке. Старшая девочка дрожала со сна как лист» [8, с. 25]. В сцене, где описана девочка на бульваре, с которой сталкивается Раскольников, приводятся и его тяжелые размышления о ней: «...ему стало очень тяжело... Мысли его были рассеянны... Да и вообще тяжело ему было думать в эту минуту о чем бы то ни было. Он бы хотел совсем забыться, всё забыть, потом проснуться и начать совсем сызнова..."Бедная девочка!.. – сказал он..."» [8, с. 43–44].

И в этих эпизодах, и в сне Свидригайлова через образ страдающего ребёнка даётся и косвенная характеристика матери – то же самое мы видим и в горьковском рассказе. Дети априори являются существами, не способными в полной мере позаботиться о себе и зависят от взрослых. В обоих случаях мы можем судить о родителях лишь опосредованно, по некоторым деталям. У Горького девочка живет в доме печальном и старом, где обитают грязные и душой, и телом люди; из этого дома доносились «крик и ругань, пьяный смех и плач» [7, с. 95], ребенок одет в рваное платье, «когда-то розовое», любовник матери пропил другое ее платье – создается впечатление о взрослых, которые равнодушны к ребёнку или же используют его.

В сне Свидригайлова девочка «бледная и изнуренная», по ее словам можно понять, что «это нелюбимый ребенок, которого мать, какая-нибудь вечно пьяная кухарка, вероятно из здешней же гостиницы, заколотила и запугала; что девочка разбила мамашину чашку и что до того испугалась, что сбежала еще с вечера; дол-

го, вероятно, скрывалась где-нибудь на дворе, под дождем, наконец пробралась сюда, спряталась за шкафом и просидела здесь в углу всю ночь, плача, дрожа от сырости, от темноты и от страха, что ее теперь больно за всё это прильют» [8, с. 393].

Вся галерея детских образов в «Преступлении и наказании» – детей страдающих, в старой или порванной одежде, приводит к мысли о том, что для автора дети – существа, не умеющие позаботиться о себе, постоять за себя и в своей беззащитности близкие к Богу, – именно поэтому у Достоевского нравственным критерием оценки каждого из героев становится его отношение к детям. В рассказе Горького тоже есть подобная оценка. Она касается конкретного героя – рассказчика, который проявляет себя как человек, не принимающий развратности, извращённости. Однако рассказ можно рассматривать и шире – как оценку общества, в котором ребёнок обречён на нищенскую и развратную жизнь.

Характерно, что единственный персонаж-ребенок в «Преступлении и наказании», не описанный как существо страдающее, – это утопленница из второго сна Свидригайлова. Однако чистая одежда, расчесанные волосы и улыбка девочки не свидетельствуют о том, что ребёнок олицетворяет собой благополучие. Утопленница пошла на самоубийство от глубокой обиды: «... это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшейся и удивившейся это молодое, детское сознание, залившееся незаслуженным стыдом ее ангельски чистой души и вырвавшее последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер...» [8, с. 392]. В религиозной системе ценностей, которая была близка Достоевскому, самоубийство – это непростительный грех, однако порицания поступка девочки в повествовании нет, есть только глубокая скорбь. Этот образ, как и прочие, показывает, как хрупка жизнь ребенка и как дети зависимы от взрослых. Та же мысль реализуется и в рассказе Горького.

Обратившись к образу девочки, вынужденной заняться проституцией, Горький следует традиции Достоевского. Хрестоматийным примером раскрытия этой темы является образ Сонечки. Автор объясняет её выбор тяжёлыми обстоятельствами и равнодушием общества к проблемам «маленьких людей». В рассказе «Девочка» нет подробного изложения истории жизни героини, но есть красноречивые детали: автор описывает дом, в котором живут голодные и грязные люди, и такой же, грязной и обо-

рванной предстает перед читателем героиня. Девочка баюкает черенок ложки, «окутанный в красную тряпку», на ней рваное платье, на лице грязь. В её словах нет абсолютно никакой надежды на помощь и заботу со стороны взрослых. Показывая девочку играющей, автор подводит читателя к мысли, что едва ли она хочет повзрослеть преждевременно, скорее даже наоборот. Стоит заметить, что у Достоевского ребенок не изображается играющим. Дети Катерины Ивановны, девочка на бульваре – это по характеру поведения и занятий скорее страдающие маленькие взрослые, чем дети. У Горького же ребенок изображен баюкающим немудреную игрушку, и это свидетельствует о том, что какой бы ни была жизнь девочки, она остается ребенком и ей хочется обычных детских игр.

У Горького также просматривается мотив душевной чистоты ребенка: мы видим, что девочка, несмотря на страшные условия жизни, сохраняет в себе какую-то внутреннюю красоту и печальную нежность. В нескольких абзацах автор раскрывает всю жуткую сторону жизни ребенка – и все же наедине с собой девочка находит в себе силы, чтобы отрешиться от грязи, которая ее окружает и тянет «на дно». Внутренняя чистота героини рассказа отличает её от девочки из сна Свидригайлова, которая представляется ему именно внутренне порочной. У Достоевского девочка соблазняет героя из желания игры-наслаждения, у Горького – из стремления заработать деньги, никакого развратного наслаждения она не испытывает, наоборот, упоминает, что раньше страдала, теперь же стала равнодушна к своей «работе». Герой вполне понимает ее состояние: несколько раз в тексте упоминаются печальные глаза, печальный взгляд ясных детских глаз, и, хотя она и говорит равнодушно, сложившаяся ситуация тяготит ее: «Думаешь – я маленькая, так кричать буду? Не бойся, это я прежде кричала... а теперь...» [7, с. 96].

Есть существенное различие и в подходе писателей к изображению взрослого героя. Свидригайлов в своем сне играет активную роль: сначала заботится о девочке, затем, в возмущении и гневе, замахивается на неё. У Горького рассказчик пассивен: от непристойного предложения он отказался, но и не стал пытаться поговорить с девочкой, спасти ее. Он сделал единственное, что представлялось возможным: не воспользовался бедственным положением ребёнка. Возможно, это различие в отношении того и другого к героине во многом объясняется следующим обстоятельством, которое связано с художественными замыслами авторов. Важно отметить, что у Достоевского образ девочки –

порождение сознания героя, а у Горького – часть объективной реальности. Исследователь творчества Достоевского Р. Назиров делит сны в произведениях этого писателя на иллюстративно-психологические и сюжетные по их функциям [12]. С этой точки зрения сон Свидригайлова является иллюстративно-психологическим: это приём, помогающий понять внутренний мир героя. Образ девочки нужен как знак определённого качества характера, мировоззрения персонажа. У Горького же образ девочки самодостаточен, он является центром повествования, а образ рассказчика выполняет функцию вспомогательную. Достоевский с помощью образа девочки характеризует взрослого героя, Горький – наоборот. У Достоевского образ девочки – иллюстрация психологии отдельной личности, у Горького – иллюстрация нравственной несостоятельности общества.

Список литературы

1. Цирулёв А.Ф. Концепция разума в трилогиях Л. Толстого и М. Горького // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3(1). С. 324–327.
2. Цирулёв А.Ф. Проблема автобиографизма в трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). С. 269–273
3. Сухих О.С. Мотивы горьковского «Детства» в повести В. Крапивина «Трое с площади Карронад» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 429–436.
4. Сухих О.С. «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского и «Яшка» М. Горького: соприкосновение и расхождение художественных концепций // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 3(66). С. 192–195.
5. Сухих О.С., Плющ В.Н. Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф.М. Достоевского («Мальчик у Христа на ёлке») и М. Горького («О мальчике и девочке, которые не замёрзли») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 301–306.
6. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (дата обращения: 31.01.2016).
7. Горький М. Девочка // Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. С. 94–96.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1970. 808 с.
9. Кривонос В.Ш. Сон Свидригайлова в романе Достоевского «Преступление и наказание» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ifi.rggu.ru/vestnik_2008_1_16.html (дата обращения: 31.01.2016).
10. Семенова Е.Н. Предсмертные сны (галлюцинации) Свидригайлова в идейной структуре «Преступления и наказания». Как по снам можно понять нравственное банкротство героя? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/642356/> (дата обращения: 31.01.2016).
11. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Сов. писатель, 1974. 456 с.
12. Назиров Р.Г. Творческие принципы Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch11.php> (дата обращения: 31.01.2016).

IMAGES OF THE GIRLS – CHARACTERS OF M.GORKY («THE GIRL») AND F.DOSTOEVSKY («CRIME AND PUNISHMENT»)

V.N. Plyushch

In this article, we examine the similarities and differences in the images of two girls – characters of Maxim Gorky («The Girl») and Fedor Dostoevsky (Svidrigailov's nightmare in «Crime and Punishment»). The aim of our research is to compare images through positions of each author in creating the image of a child and its subtext. In examining the text, we employ the comparative-typological method, which allows us to establish the similarities of these characters and their functions. Both Gorky and Dostoevsky use the image of a child to demonstrate the child's fragility and dependence on adults. In Dostoevsky's novel this imagery serves an auxiliary role, adding to the characterisation of the main character, moreover, the child appears in a nightmare; in Gorky's short story the image of the child is self-sufficient. This imagery plays an important role in character development of Svidrigailov and the narrator of Gorky's novel and vividly illustrates the way each author relates to the theme of childhood.

Keywords: Gorky, Dostoevsky, image of a child, plot, dream.

References

1. Cirulyov A.F. Konceptsiya razuma v trilogiyah L. Tolstogo i M. Gor'kogo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 3(1). S. 324–327.
2. Cirulyov A.F. Problema avtobiografizma v trilogii M. Gor'kogo «Detstvo», «V lyudyah», «Moi universitety» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 2 (1). S. 269–273
3. Suhih O.S. Motivy gor'kovskogo «Detstva» v povesti V. Krapivina «Troj s ploshchadi Karronad» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 1 (1). S. 429–436.
4. Suhih O.S. «Mal'chik u Hrista na yolke» F.M. Dostoevskogo i «Yashka» M. Gor'kogo: sopri-kosnovenie i raskhozhdenie hudozhestvennyh koncepcij // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3(66). S. 192–195.

5. Suhii O.S., Plyushch V.N. Svyatochnyj rasskaz v hudozhestvennom osmyslenii F.M. Dostoevskogo («Mal'chik u Hrista na yolke») i M. Gor'kogo («O mal'chike i devochke, kotorye ne zamyorzli») // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 3. S. 301–306.
6. Dunaev M.M. Vera v gornile somnenij. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (data obrashcheniya: 31.01.2016).
7. Gor'kij M. Devochka // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: V 25 t. M.: Nauka, 1970. T. 6. S. 94–96.
8. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. M.: Nauka, 1970. 808 s.
9. Krivonos V.Sh. Son Svidrigajlova v romane Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ifi.rggu.ru/vestnik_2008_1_16.html (data obrashcheniya: 31.01.2016).
10. Semenova E.N. Predsmertnye sny (gallyucinacii) Svidrigajlova v idejnoj strukture «Prestupleniya i nakazaniya». Kak po snam mozžno ponyat' нравstvennoe bankrotstvo geroya? [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://festival.1september.ru/articles/642356/> (data obrashcheniya: 31.01.2016).
11. Kirpotin V.Ya. Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova. M.: Sov. pisatel', 1974. 456 s.
12. Nazirov R.G. Tvorcheskie principy Dostoevskogo [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch11.php> (data obrashcheniya: 31.01.2016).